

Соборская Суворова 27. IX. 60.

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

«БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ» НА СЦЕНЕ КРЕМЛЕВСКОГО ТЕАТРА

ПОДОБНО многим пьесам о войне, «Брестская крепость» К. Губаревича, показанная недавно в Кремле Русским драматическим театром города Бреста, начинается с изображения мирных будней. Пока еще не застигнуты первые пули и первый чужой самолет не скользя по златошпелому заревому небу, драматург спешит познакомить нас со своими героями. В командирском клубе крепости офицеры гарнизона проводят субботний вечер. Все спокойно, обычно: гитара, шахматы, дружеские шутки, планы на будущее.

Такое начало таит в себе богатые возможности — в нем смелый, наглядный контраст; в нем источник большого драматизма; но для пьесы Губаревича такое начало имеет и еще один, далеко не последний смысл. Ведь этих людей, собравшихся в зале командирского клуба, мы не увидим больше вне боя, вне опасности.

И встретившись с ними впервые в обстановке мирной, оценив их простоту и обычность, мы яснее воспримем их подвиг, истолкуем его не как исключительное проявление качеств исключительно сильных натур, а как одно из свидетельств великого патриотизма, верности долгу, мужества и стойкости обыкновенных людей, оказавшихся в историческую минуту на передовом рубеже...

Режиссер А. Миронский, решая первую картину в естественных и теплых интонациях, в то же время стремился насытить ее тревожным предчувствием надвигающихся событий. И эта все нарастающая тревога, мучительная своей неизвестностью, развивается вдруг яростным грохотом взрывов — шквалом, обрушившимся на насторожившуюся крепость. Чей-то крик из свир... Вгроме плям пожаров овраживает завесу, трещающие от движения взрывной волны. Таково начало войны, а истории которой — истории всенародного подвига — оборона Брестской крепости занимает одну из затворающих, героических страниц.

К. Губаревич написал свою пьесу, еще не зная всех фактов, имен, обстоятельств и хода событий обороны: лишь позднее они стали достоянием историков. Поэтому он не мог добиться исторической точности, но героический пафос совершившегося ему удалось передать...

В следующей картине спектакля крепость предстает перед нами словно преобразившейся: художник М. Сморodin показывает нам уже не высокий и светлый зал командирского клуба, а один из казематов с мрачными сводами угрюмого цвета бетона.

Теперь, когда события пьесы веронят, когда тяготы войны сменили размеренность мирной жизни, герои должны неизбежно повернуться к нам теми сторонами характеров, которые наиболее существенны в данных обстоятельствах.

...То один, то другой из участников событий выходит на первый план, сосредоточивая на себе наше внимание. Начальник гарнизона Ермашов (арт. Ю. Орыниский) — решительный, деловитый, уверенный, умеющий даже в самые горячие минуты думать, казалось бы, о незначительных, но важных, дисциплинирующих мелочах. Комиссар Кожевников в исполнении артиста М. Абрамова деловит и мягок, решителен и весел, в только блеск утомленных глаз говорит об интенсивной работе его мыслей, напряжении воли.

Эпизод за эпизодом выдвигает вперед все новые и новые лица. Даша, жена пограничника, отражая разведчика

(арт. Т. Заренко), военврач Зорина (арт. Н. Гончаренко), для которой в этих событиях мучительно переплелись гора личное и горе общее.

Брестский театр утверждает высокие через простое и даже через комическое, добиваясь принципиальной победы. Эту победу одерживает Б. Усусов, исполняющий роль бойца Кукушкина. Он делает своего героя одновременно и героической, и веселой душой спектакля. Мы знакомимся с ним из детства. Истерзанный, страдающий от жажды и голода, стоит он между дюжиной эсэсовцами. За спиной Кукушкина изматывающие дни обороны, впереди — мучительная смерть под пытками. Казалось бы, обстановка предельно суровая, непременно сказывающаяся на поведении человека, диктующая актеру способ раскрытия характера героя через подчеркивание в нем силы и твердости, открытого мужества в его единоборстве с врагом. Но Б. Усусов не идет по такому пути. И значительность характера Кукушкина раскрывается им нестандартно, раскрывается через способность героя остаться самим собой в любой обстановке. И сила характера, оказывается, глубже, нагляднее, ярче проявляется в способности этого характера избегать деформации под давлением обстоятельств, сохранять все свои живые, конкретные, бесконечно разнообразные черты.

Через незыблословные, но точно сыгранные комедийные трюки, казалось бы, только трюки, актер умеет поведать о моральной силе своего героя, противопоставившего смерти, опасности смех.

Но, рисуя врага также в комедийном ключе, театр, к сожалению, терпит жизненный источник комического, нарушает правду и цельность образа. Капитан Трауба (арт. С. Юркович) поначалу изображается всерьез: он ловко руководит допросом попавшего в плен Кукушкина, умея вовремя ввести и также вовремя вывести из игры примитивную жестокость эсэсовцев, оттеняя ею свое мнимое добродушие. У него хватает ума из безобидной по виду беседы выудить подтверждение данных немецкой разведки. Чувствуется, что за ним стоит слаженный, бездушный, коварный, обнаглевший военный машина фашистов. Но когда этот же Трауба как парламентар приходит в осажденную крепость, образ словно бы подменяется, место живого человека вдруг занимает марионетка: долговязая, неслепая фигура с белым флажком в вытянутой руке, тупое удальение, тупое самодовольство, забавное непонимание русских слов и, наконец, покорное шествие с завязанными глазами по кругу вслед за Кукушкиным, который, выигрывая время, необходимое комиссару для подготовки к приему Трауба, водит и водит фашиста, уцепившегося за прутья. Этот комедийный прием делает врага смешным, но смешным чисто внешне, загоняет его в угол, но загоняет в малом. И когда наступает момент встречи Трауба с комиссаром, то театр проигрывает в большом: теряется серьезность положения.

По мере нарастания событий меняется облик крепости, облик ее защитников: грудой развалин ложится кирпичный кирпич, все суровее лица солдат, все изощреннее их гимнастерки.

И театр постепенно меняет интонацию, как бы набирает

воздух в легкие, готовится к финалу.

...Сцена последнего партийного собрания гарнизона крепости: вокруг полкового знамени собрались оставшиеся в живых защитники, чтобы пригласить последнюю клятву. Глухие голоса запевают «Интернационал».

Единственно логичным, единственно соответствующим характерам этих людей выглядит их последнее решение — взорвать крепость, чтобы похоронить под ее обломками и себя, и врагов. Загорается бикфордов шнур... Взрыв... Зана-

нес медленно закрывает погру-завшуюся во мрак сцену. Но это еще не финал, хотя по своему звучанию сцена достойно могла бы завершить спектакль.

Финал — это памятник защитникам Брестской крепости: суровый солдат предостерегающе опустил руку на рукоятку тяжелого меча. Предостерегающе! Потому что памятник доблестно павшим за независимость, за свободу Родины — это не просто последняя дань уважения, — это памятник победителям. Суровый солдат смотрит не в прошлое — он смотрит в будущее, предостерегая тех, кто хотел бы обрушить на землю новый военный шквал.

Р. КРЕЧЕТОВА.